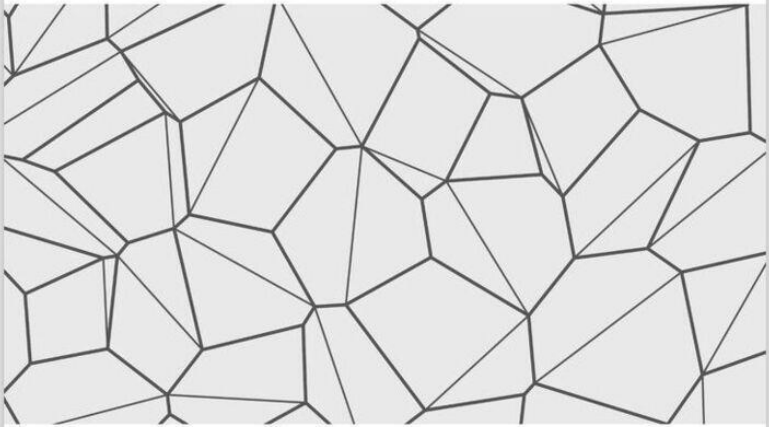
18+

Майк Гиршовский



КЕРОСИНКА

Происшествия

Майк Гиршовский
Керосинка. Происшествия

https://litres.ru/74986529
ISBN 9785007181525

Аннотация

Давно я записываю стихи там, где у многих из них сохраняются даты. Эта книжка — вырезки, только вещи и происшествия, услышать или потрогать. Одни тексты стоят целиком, от других — кусок в несколько строк. Порядок био-авто-графический — с керосинки в Куйбышеве до кошки в Мэйвуде. Даты собраны в конце, кому любопытно.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

КУПЕЛЬ 6
«тепло родной руки…» 7
«Бабушка звала меня: «Покутник», — и переводила это слово с белорусского (по её словам): «Юродивый…» 8
«Если не то в два года десять месяцев, не то в три года десять месяцев, значит, не то в апреле 1953-го, не то 54-го года я вдруг услышал на улице, на Чапаевской, ближе к чётной стороне на проезжей части напротив 49-го дома, что еврей — это плохо, а я точно знал, что я еврей, так же как я знал, что я мальчик, то что это произвело в психике и соматике такое, что сейчас в апреле 2026 я начинаю смутно понимать?..» 9
«Мы живем в коридоре затменья…» 11
«Сидишь…» 12
«А за двадцать лет до того у магазина «Динамо…» 14
«не забыть мне мужичонку в очереди за молоком к цистерне (55-й, 56-й, 57-й — ?)…» 15
«От мерцания мацы светло…» 17
«Чай с мацой с соленым маслом…» 19
«А пахло хлебом, белым хлебом…» 20

«Детская рифма к городу Сызрань…» 21
«кошка на улице прячется ловко…» 22
«Отец говорил: «Добре!» — с разными интонациями и сильнее всего различались с ударением на «О» — дОбре — и с ударением на «Е» — добрЕ…» 23
ЯЗЫК И РЕЧЬ 24
«Сейчас мне семьдесят. А когда-то было десять…» 25
«Пролились чернила…» 26
«ветрянка!..» 27
«Вспомнишь детский озноб, не коклЮш, а кОклюш…» 28
«Сперва мостовую прорыли окопом…» 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Керосинка Происшествия

Майк Гиршовский

…новая стройка старых элементов.
Ю. Тынянов. «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)»

© Майк Гиршовский, 2026

ISBN 978-5-0071-8152-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КУПЕЛЬ

Воду для ванночки грели на керосинке
Куйбышев был Самарой только в кругу друзей
Круг был еврейским но и не только
Страна Россия типа ЭсЭсЭсЭр
Наверно дитя плескало воду на кухне на пол
Оно же смеялось родная стихия вода
Мокро тепло вода и любовь шлёпай
И смейся беззубо ты шлёп и вода шлёп на пол
И улыбаются все
Шесть лет как прошла война

«тепло родной руки…»

тепло родной руки
поверх закрытых глаз
за входом красный путь
в голландке дышит жаром
и тихо-тихо так
как больше никогда
горячий зыбкий треск

Славка после гипса на голове из-за лишая стал кудрявый и даже чуть-чуть белокурый с виду, хотя и черноволосый

«Бабушка звала меня: «Покутник», — и переводила это слово с белорусского (по её словам): «Юродивый…»

Бабушка звала меня: «Покутник», — и переводила это слово с белорусского (по её словам): «Юродивый»

Юродивый, насколько помню, означало бродяжка, у которого ничего нет и которому ничего не нужно, — смешной и никчемный, не «от мира сего»

А вот в словаре — веригоносец

«Если не то в два года десять месяцев, не то в три года десять месяцев, значит, не то в апреле 1953-го, не то 54-го года я вдруг услышал на улице, на Чапаевской, ближе к чётной стороне на проезжей части напротив 49-го дома, что еврей — это плохо, а я точно знал, что я еврей, так же как я знал, что я мальчик, то что это произвело в психике и соматике такое, что сейчас в апреле 2026 я начинаю смутно понимать?..»

Если не то в два года десять месяцев, не то в три года десять месяцев, значит, не то в апреле 1953-го, не то 54-го года я вдруг услышал на улице, на Чапаевской, ближе к чётной стороне на проезжей части напротив 49-го дома,

что еврей — это плохо, а я точно знал, что я еврей, так же как я знал, что я мальчик, то что это произвело в психике и соматике такое, что сейчас в апреле 2026 я начинаю смутно понимать?

«Мы живем в коридоре затменья…»

Мы живем в коридоре затменья.
Здесь в конце и налево сортир.
Там кончаются все боренья —
И за стенкой не двор, там мир.

Лучше коротко нежели длинно.
Лучше здесь это самое «там».
В подворотне заледенело,
Выйдешь — в сугробы сгребли снега.

У меня был трёхколёсный велосипед, и катание по тому коридору раздражало соседей, но они даже не ворчали. Это было нормальное раздражение. Там слева, если от нашей комнаты ехать, именно и был сортир с двумя очками

«Сидишь…»

Сидишь
Пятилетний
Сгорбившийся над пяльцами

Стараешься иголкой попасть
В нужное место на тряпочке
Целишься
А всё мимо

Тряпочка раскрашена маленькими квадратиками
Нитки по имени «мулинэ»
В иголке для каждого квадратика свои

И ты любишь это
Потому что мама сказала это хорошо.

И ты ненавидишь это
Без понимания
Без ощущения этого

Потому что
Что это хорошо
Велела мама

«А за двадцать лет до того у магазина «Динамо…»

А за двадцать лет до того у магазина «Динамо»
Через дорогу к бабушке маленький мчишься ты,
И троллейбус
Вдруг словно вкопанный
Встал на дыбы.
А она плачет.

«не забыть мне мужичонку в очереди за молоком к цистерне (55-й, 56-й, 57-й — ?)…»

не забыть мне мужичонку в очереди за молоком к цистерне (55-й, 56-й, 57-й — ?)

идет вдоль очереди и пальцем показывает
еврей, еврей, не еврей

бабушка моя ему чего-то недоброе сказала
он оправдывается
в лагере сортировал
имел работу
поэтому выжил

и как-то всем и евреям и неевреям понятно
что из сибирских лагерей
он токатока
и винить его
и охота
и не-охота

и за что?

чем он такой особенный его обвинять?

«От мерцания мацы светло…»

От мерцания мацы светло
Тёмных пятен пожаренных запах
Возвращает туда
Где родное окно
Осыпает замазку на вату

Всё зиме. Вместо снега
Слякоть и грязь
Вдоль домов уже пятна асфальта
Ещё день и мне валенки снять
И в ботинках с галошами хлябать

И простыть в нараспашку тяжёлом пальто
И в «Мурзилку» уставясь забыть обо всём

Тридцать восемь и семь

А тем временем за окном мостовая под солнцем
И старьёвщик стучит по камням колесом
Он свистулькой зовёт

«Чай с мацой с соленым маслом…»

Чай с мацой с соленым маслом
Память детства
На века

«А пахло хлебом, белым хлебом…»

А пахло хлебом, белым хлебом.
Такого мы не ели
Раньше никогда,
Круглый пышный, а вовсе не кирпичик.

По два шестьдесят, а лет через пять-шесть по двадцать шесть копеек

«Детская рифма к городу Сызрань…»

Детская рифма к городу Сызрань
Словом невнятным для взрослых «высрань»
Была во дворе между будкой и хлоркой
В гуще помоев осклизлой горкой

«кошка на улице прячется ловко…»

кошка на улице прячется ловко
как в детстве под лестницей четвертьлитровка
у папы в буфете мерзавчик стоял
ребёнок туда воды добавлял

«Отец говорил: «Добре!» — с разными интонациями и сильнее всего различались с ударением на «О» — дОбре — и с ударением на «Е» — добрЕ…»

Отец говорил: «Добре!» — с разными интонациями и сильнее всего различались с ударением на «О» — дОбре — и с ударением на «Е» — добрЕ.
Я не помню, сейчас мне кажется, это было в разные времена, а может, и нет — просто разным людям и с разными смыслами.

Какими? —

Тайна.

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Про войну.
Молчание.

Врать они не хотели, а слов —
Не было.

Отец в восьмидесятых заговорил на «встречах с ветеранами».
И говорил то, что прочёл в газетах и мемуарах.
И много говорил.
А о своём молчал.

В последние годы любил полежать в госпитале
Ветеранов с такими, как он.
Конечно, причины для больницы были

«Сейчас мне семьдесят. А когда-то было десять…»

Сейчас мне семьдесят. А когда-то было десять.
И я прочёл в «Неделе» — человек развивается до семи лет, а дальше — только вниз, только кости растут и мясо нарастает.
И долго в это верил, пока не стало похер.
Тогда родители купили первый телевизор «Нева», и я от Чаплина залезал под стол, чтобы хохотать и не задыхаться.
И так — пока не стало похер.

«Пролились чернила…»

Пролились чернила.
Осторожно, Серёжка, — рубашка только одна.

Третий класс.
Непроливашка.

«ветрянка!..»

ветрянка!
Сыпь, из-за которой в школу не пускали, и читал, и читал…

«Вспомнишь детский озноб, не коклЮш, а кОклюш…»

Вспомнишь детский озноб, не коклЮш, а кОклюш,
Слово-кашель, чтоб его черти драли
И из словарей и болезней убрали.

Карантин три недели с лИшком —
Ни хоккея, ни сугробов — только книжки.
Почитай вот эту, отстань, начни, посмотри!
И поверх «Гусарской баллады» — «Война и мир».

«Сперва мостовую прорыли окопом…»

Сперва мостовую прорыли окопом,
потом зарыли щебёнкой с песком,
шпалы пропитаны маслом как потом —
стало в памяти просто сном.

По окоёму сияют рельсы,
и страх гильотины дышать не даёт,
сорокоградусный сволочь Цельсий
смерти несёт, но нас не убьёт.

Мальчишке соседу отрезал ноги,
спасти не смогли так высоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.